

За окном слышалось слабое жужжание, оно становилось все громче и громче, и вот, как это ни покажется странным, мимо окна пролетел толстый человечек. У мальчика, который стоял в комнате, дух захватило от волнения и по спине пробежали мурашки — ведь не каждый день мимо окон пролетают маленькие толстые человечки. А человечек за окном тем временем замедлил ход и, поравнявшись с подоконником, сказал: Привет! Можно мне здесь на минуточку приземлиться?

Так в книжке шведской писательницы Астрид Линдгрен появляется Карлсон, который живет на крыше.

Когда-то великий сказочник Ханс Христиан Андерсен выдумал другого такого человечка. Гном-волшебник Оле-Лукойе по вечерам, неслышно, в одних чулках, поднимался по лестницам домов, брызгал в глаза детей сладким молоком из волшебной спринцовки, дул легонько в пушистые детские затылки и, когда дети засыпали, рассказывал им удивительные сказки. Но этот Оле-Лукойе был так же мало похож на Карлсона, как, вероятно, сама Астрид Линдгрен, жительница современного Стокгольма, не похожа по облику своему на Ханса Христиана Андерсена. Что и говорить, многое изменилось с тех пор — и в жизни, и в облике людей, и во взаимоотношениях фантастики с реальностью.

И характеры у них тоже разные. Оле-Лукойе дотрагивается до комнатных цветов в горшках, и они превращаются в сказочные деревья, на которых растут пышки, прямо-таки лопаются от изюма. А Карлсон ворует эти пышки с кухни из-под носа у хозяйки. Оле уводит мальчика Яльмара в сказочные страны, показывает ему эльфов и красавиц принцесс, а Карлсон утаскивает Малыша к себе на крышу, где они улетают все те же пышки, но где не оказывается никаких обещанных игрушек, только верстак, на который «можно вываливать что попало», диванчик, «чтобы спать, прыгать и кидать на него все барахло», и еще странная картина под названием «Очень одинокий петух». Оле-Лукойе преобразует мир в прекрасную сказку — Карлсон ломает вещи, превращает простыни в «привиденческие костюмы» и разбивает фарфоровую посуду. Оле — романтик, Карлсон — озорник; Оле — лирик, Карлсон — скептик; появлению Оле обрадуется каждая мама, от проделок Карлсона любая мама может упасть в обморок.

И все же международную премию имени великого Андерсена дважды получала не кто иной, как Астрид Линдгрен за своего Карлсона. Видимо, главным все-таки посчитали не различия между этими сказками, а то счастье, которое испытали и Яльмар и Малыш. Видимо, среди других героев детских книжек именно Карлсон при всем своем несносном характере ближе всех оказался к тому миру добра, поэзии и гармонии, который многим поколениям детей и взрослых открыл Андерсен.

В театре сатиры вышел спектакль о Карлсоне. Инсценировку книги сделала С. Прокофьева, поставила спектакль М. Микаэлян, режиссер С. Мишулин, художник Б. Мессерер, композитор А. Эшпай. От всех этих людей требовалось одно важное качество. (Это помимо изобретательности, вкуса и даже таланта). Надо было в своем художественном мышлении не оказаться на уровне мамы Малыша, женщины милой, доброй, но безнадежно утравшей какие-то очень важные связи со своим собственным детством и в силу этого не способной понять, почему ее сын является Карлсон и становится ему совершенно необходимым.

Эта Мама охотно покупала Малышу игрушки, чтобы мальчик играл, как играют все дети, и не скучал. Спектакль можно было поставить так, как ставятся многие детские спектакли и как делаются многие детские игрушки, — просто для развлечения маленьких людей. Ведь дети радуются всяким игрушкам, даже таким, в изготовление которых не вложена ни особая доброта, ни великая мудрость. Но потом они все-таки мечтают хотя бы о собаке, как мечтал

о ней Малыш, пока к нему не явился Карлсон.

Та доля мудрости, которая есть в спектакле, заключена в его втором, не поверхностном плане, собственно — в ответе на вопрос, почему является к мальчику Карлсон и что он сам из себя представляет. Существует мнение, что такие вещи понятны и интересны только взрослым, но я думаю, это неверно, хотя бы потому, что далеко не все взрослые способны проникать в глубины искусства и поэзии, что же касается степени понятности детей, то у разных детей она тоже различна. Во всяком случае гораздо лучше, когда этот серьезный, поэтический смысл в спектакле есть, как есть он в книжке Астрид Линдгрен.

Малыша, которому явился Карлсон, играет Б. Захарова. Думается, именно в ней, при всей видимой простоте ее игры, и заключен во многом смысл спектакля. Может быть, сло-

зе он явится вашему сыну — неизвестно, может, и вообще не явится, а может быть, вы сами, подумав и вспомнив что-то о самом себе в детстве, сумеете этого Карлсона заметить. Это уж как получится.

У мамы Малыша хватило материнской чуткости, чтобы в конце концов примириться с Карлсоном. Что ж, это немало, ведь в противном случае неизбежен был конфликт сына с мамой, и, кто знает, на какую крышу мальчик мог бы тогда сбежать вслед за Карлсоном!

Это очень веселый спектакль. Хорошо, что вполне взрослые актеры — прежде всего Т. Пельтцер в роли домоправительницы Фрекен Бок — играют с тем неподдельным весельем и азартом, с которым только и можно играть с детьми. Театр — это игра взрослых. Театр для детей — это игра особая, особых душевных

сказочных спектаклях для детей лежит странная печать холодной деловитости — приемы освоены, современные контуры уверенно прочерчены, эффекты учтены. Книжка Карлсона по своему своему духу противоречит подобному рационализму так же, как противоречат ему книги Андерсена, Корчака, Сент-Экзюпери, столь охотно переводимые на детскую сцену. Нам приходится мысленно проститься с маленьким Карлсоном из книжки, но гораздо хуже было бы, если, присмотревшись к этому новому, «большому» Карлсону, мы не обнаружили бы в нем ни простодушия, ни доброты, ни того заводного, неутомимого, неподдельного озорства, которое и Малыша, и нас, зрителей, возвращает к естественному не только для ребенка, вольному и веселому состоянию души. Ну что ж, в конце концов пусть будет два Карлсона: один маленький, — в книжке, другой, большой, — в театре. Ведь у мно-

ТЕАТР

Н. КРЫМОВА

О
КАРЛСОНЕ
И
МАЛЫШАХ



Сцена из спектакля «Малыш и Карлсон, который живет на крыше». Карлсон — С. Мишулин, Малыш — Б. Захарова.
Фото А. ГЛАДШТЕИНА.

во «одиночество» слишком драматично в данном случае, Захарова и не играет одинокого мальчика, не нагружает роль столь глубокомысленным содержанием, но какими-то еле заметными полудвижениями, полунтонациями вносит в роль именно тот, еле уловимый оттенок печали, который есть в жизни любого человека, жаждущего общения с миром.

У нас немало прекрасных актрис-трагистов, умело играющих мальчиков, но Б. Захарова среди них отличается тем, что в ней самой живет стихия мальчишеского озорства и та простодушно-неукротимая энергия, которая только и ищет возможности выплеснуться. Притом этой актрисе свойственен безошибочный художественный такт — она играет скромно, в самом лучшем смысле слова. А сыграть в этом спектакле она могла бы всех и все — и мальчика, и девочку, и Карлсона, и жулика на крыше, и даже ту паровую машину, которую взорвал Карлсон, закричав при этом: «Честное слово, она взорвалась! Какой грохот! Как здорово!». Но ей (Захаровой), естественно, дали сыграть только одну роль, и, начав спектакль словами: «Я — самый обыкновенный мальчик», она сумела передать то, чем живут многие-многие «обыкновенные» мальчики, и объяснить, почему в этих существах неистребима тяга ко всякого рода Карлсонам.

Действительно, почему? Да потому, вероятно, что дети хотят быть детьми и не желают раньше времени становиться взрослыми. И в годы, называемые детством, они хотят получить полную меру свободы, беззаботности и дружеского контакта с окружающим. И веселья, конечно. Потому в жизни самого благополучного мальчика из самой благополучной семьи может возникнуть (и чаще всего возникает) пустота, настоятельно требующая заполнения. И тогда появляется Карлсон. В каком обра-

жении требующая. Если говорить о некоем идеале спектакля о Карлсоне, то особые душевные качества тут требуются от всех, вплоть до исполнителей ролей котов на крыше и тех жуликов, которых Карлсон разоблачает. Чтобы и коты, и жулики играли так, как Б. Захарова и Т. Пельтцер, чтобы ни в костюмах, ни в повадках не обнаруживало себя «тюзовское» ремесло. Но, повторяю, это если говорить об идеале.

Карлсона играет артист С. Мишулин. Разумеется, первое появление его на сцене неожиданно для тех, кто читал книгу Линдгрен. Это взрослый, большой мужчина, похожий на того клоуна-недотепу, с которым на арене случаются смешные неприятности. Театр по мере сил постарался сохранить ему облик Карлсона из книжки — взлохмаченная голова, короткие брюки на бретельках, на животе — кнопка, на спине — маленький пропеллер. С помощью некоторой театральной машинерии этот Карлсон может даже «пролететь» под музыку где-то на заднем плане сцены. Чисто театральные приемы, разумеется, выглядят грубоватыми рядом с тонкой поэзией повести, но тут уж, как говорится, ничего не поделаешь, Андерсен тоже не раз страдал, когда его снежные королевы появлялись на сцене в тюлевых нарядах и позолоченных бумажных коронах. Хорошо, что по возможности сохранен характер Карлсона, — это главное, и это опять-таки обнаруживает в создателях спектакля людей, охотно и со вниманием оглядывающихся на свое детство.

Когда-то Станиславский с упоением занимался «Синей птицей», взволнованно всматривался в детские рисунки и размышлял о свойствах детской фантазии и психологии. Увы, в последние годы на некоторых

взрослых есть еще и третий, свой «Карлсон» или хотя бы мечта о нем. Карлсон — это и детство, и мечта о дурце, который явится в любую минуту, стоит только позвонить в колокольчик. И еще многое хорошее, неосуществившееся, но возможное. Так что, чем больше Карлсонов, тем лучше.

Дети получают на этом спектакле свое, взрослые — свое. А те из них, у кого есть дети, несомненно задумаются о многом. Например, о том, может ли установиться у ребенка полный и счастливый контакт с миром взрослых. Вероятно, может — при условии, если взрослые будут такими же заводилами и выдумщиками, как Карлсон, не будут ругаться из-за испорченных в играх вещей, в любой момент смогут бросить свои скучные дела и заняться какой-нибудь игрой, не будут уставать на работе так, что их ни в какое интересное занятие не втянешь. Ясное дело, условия эти невыполнимы. Ну, тогда взрослым остается немного, но самое главное: в трудный момент не надо хмуриться, падать духом или читать кому-то мораль. «Спокойствие, спокойствие! Неприятности — дело житейское!» — этими словами Карлсон не раз восстанавливал порядок в душе Малыша, и Малыш никогда уже этих слов не забудет.

По спектаклю театра сатиры можно понять, что Карлсон — вовсе не какой-нибудь «опасный приятель», не дух разрушений и нарушений, а вполне обыкновенное и очень симпатичное существо, в котором действительно нуждаются и дети и взрослые. А потому — да здравствует Карлсон, его появление на сцене и, если это возможно, в стенах вашей квартиры!